

УДК 347.634/637

А.Х. Ульбашев

Родительские правоотношения в России: «старые новеллы»

Статья посвящена проблеме реформирования источников семейного права на современном этапе. На примере Постановления Пленума Верховного суда РФ от 14.11.2017 № 44 автором показано, что российское семейное право остается достаточно консервативным, закрытым для развития и обновления. Законодатель и суды, исходя из традиционной приватности и закрытости родительских правоотношений, не стремятся устанавливать более четкое и транспарентное правовое регулирование, что, в свою очередь, создает риски правовой защищенности для наиболее слабых членов семьи, а именно — детей.

Ключевые слова: источники семейного права; родительские правоотношения; злоупотребление правом; ограничение и лишение родительских прав; отобрание ребенка.

1. Законодательный контекст: общая характеристика

Семья занимает особенное место в российском общественно-политическом дискурсе. Многие законодательные инициативы нередко объясняются целями защиты семейных ценностей, тогда как семья рассматривается в качестве фундаментального, стержневого социального института. Традиционализм и консерватизм являются определяющими характеристиками развития отечественного семейного права на современном этапе.

Показательно, что Семейный кодекс РФ (далее — СК РФ, Кодекс) [1] за время своего действия относительно редко подвергался изменениям и дополнениям (в этом смысле семейно-правовой кодификации «повезло» значительно больше, чем другим базовым законодательным актам). Более того, сегодня российский законодатель занимает свою принципиальную (преимущественно негативную) позицию по множеству актуальных вопросов, активно обсуждаемых в западной юриспруденции (таких как легализация гражданских партнерств, признание фактических сожительства и т. д.).

В общей сложности в СК РФ с 1995 г., т. е. с момента принятия данного Кодекса, поправки вносились не многим более 30 раз. Такая статистика в условиях постоянной инфляции российского законодательства свидетельствует об относительной устойчивости главного закона о браке и семье. Большинство поправок носит технический, редакционный характер и в целом несущественно меняет общую концепцию Кодекса, сформулированную разработчиками в середине 1990-х гг.

Одним из примеров таких «технических» законов стал Федеральный закон от 28.03.2017 № 39-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2], в соответствии с которым незначительные правки вносились в четыре статьи СК РФ, а также в ряд других законов, включая Гражданский кодекс РФ, Кодекс административного судопроизводства РФ и Федеральный закон от 19.05.1995 № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей». Приведенный пример наглядно иллюстрирует ситуацию двойного рода: с одной стороны, СК РФ представляется для законодателя священной коровой, не терпящей каких-либо существенных посягательств; с другой стороны, он, т. е. законодатель, считает вполне возможным пользоваться весьма небрежной законодательной техникой, изменяя и дополняя Кодекс непрофильными законами. В конечном счете семейно-правовая политика приобретает аморфные и нечеткие очертания.

Понимание аналогичной проблемы побудило законодателя дополнить ГК РФ п. 2.1 ст. 3 ГК РФ, согласно которому внесение изменений в названный Кодекс, а также приостановление действия или признание утратившими силу положений Кодекса осуществляется отдельными законами; иными словами, соответствующие положения не могут быть включены в тексты законов, изменяющих (приостанавливающих действие или признающих утратившими силу) другие законодательные акты Российской Федерации или содержащих самостоятельный предмет правового регулирования. Представляется, что подобное правило благоприятно отразилось бы на законодательном процессе и в области семейного права.

«Полузамороженное» состояние СК РФ не лучшим образом сказывается и на судебной практике, ежедневно сталкивающейся с самыми различными проблемами, не находящими разрешения непосредственно в законе. Казалось бы, что в таких условиях Верховный суд РФ должен в некоторой степени брать инициативу на себя и на уровне разъяснений и обзоров восполнять упущения законодателя. Однако, как показывает опыт, подобные ожидания не всегда оказываются оправданными.

Так, юридическая общественность с некоторым воодушевлением восприняла факт принятия Пленумом Верховного суда РФ Постановления от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» (далее — Постановление № 44). Экспертами высказывалось мнение, что Верховный суд РФ впервые в нем разъяснил нормы СК РФ, касающиеся осуществления и защиты родительских прав [6]. Однако детальный анализ Постановления № 44 показывает, что ВС РФ сохранил консервативный вектор и с весьма большой степенью осторожности высказался по большинству существующих проблем.

2. Постановление № 44: краткий обзор и характеристика

Рассматриваемое Постановление № 44 в целом не отличается по своей структуре, стилистике и логике от всякого другого разъяснения Верховного суда РФ: в документе содержится большое количество цитирований норм закона, повторение уже существующих подходов и правил.

Так, анализ раздела «Общие положения» Постановления № 44, в действительности содержащего не общие положения, а разъяснения процессуального законодательства, не обнаруживает каких-либо практически значимых новелл.

Значительно большую ценность для теории и практики представляет раздел «Ограничение и лишение родительских прав». Здесь Верховный суд РФ обращается к одной из наиболее сложных проблем доктрины частного права, а именно к злоупотреблению правом (точнее, к его разновидности — злоупотреблению родительскими правами).

Несмотря на то что *pro forma*, согласно ст. 69 Кодекса, злоупотребление является *лишь одним* из возможных оснований лишения родительских прав, представляется, что высшая судебная инстанция рассматривает злоупотребление правом в качестве исходной категории по *всем* делам о лишении родительских прав либо об их ограничении. Такой подход Верховного суда РФ заслуживает всецелой поддержки, поскольку соответствует букве и духу закона, а именно ч. 2 ст. 7 СК РФ, устанавливающей запрет злоупотребления семейными правами в качестве общего принципа [7: с. 59].

Подтверждение данному тезису находится в п. 11 Постановления № 44, где устанавливается, что, решая вопрос об ограничении родительских прав, суду следует исходить из характера и степени опасности, а также и возможных последствий для жизни или здоровья ребенка в случае оставления его с родителями (одним из них), а также следует учитывать иные обстоятельства (в частности, при виновном поведении родителей (одного из них), создающем опасность для ребенка, — *осознают ли родители виновность своего поведения и имеют ли стойкое намерение изменить его в лучшую сторону, какие конкретные меры намереваются предпринять либо предприняли в целях исправления своего поведения* (здесь и далее курсив наш. — А. У.). Иными словами, по общему правилу, основанием лишения родительских прав является, пользуясь формулой В.П. Грибанова, «употребление [родителем] права во зло [вопреки интересам ребенка]».

Сказанное подтверждается также тем, что, исходя из положений ст. 69 СК РФ и п. 17 Постановления № 44 лица, не выполняющие своих родительских обязанностей вследствие стечения тяжелых обстоятельств и по другим причинам, от них не зависящим (например, наличие психического расстройства или иного хронического заболевания, за исключением лиц, страдающих хроническим алкоголизмом или наркоманией), не могут быть лишены родительских прав. В указанных случаях суд может вынести решение об ограничении родительских прав, если оставление ребенка у родителей опасно для него (п. 2 ст. 73 СК РФ).

Таким образом, высшая судебная инстанция ориентирует правоприменение на разрешение в каждом конкретном случае принципиального вопроса: имеют ли родители намерение (цель) добросовестно реализовывать принадлежащие им родительские права и какие обстоятельства препятствуют такому осуществлению? О лишении родительских прав можно говорить лишь тогда, когда такие препятствия носят субъективный характер и зависят от воли родителей.

Следует добавить, что Верховный суд РФ и ранее пытался ответить на вопрос о юридической сущности и формах злоупотребления родительскими правами. Так, в п. 11 Постановления от 27.05.1998 № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» Пленум ВС РФ разъяснил, что под злоупотреблением родительскими правами следует понимать использование этих прав в ущерб интересам детей, например создание препятствий в обучении, склонение к попрошайничеству, воровству, проституции, употреблению спиртных напитков или наркотиков и т. п. [3].

Такое понимание встретило критику в литературе. Еще В.П. Грибанов отмечал, что «понятие “злоупотребление правом” может быть использовано лишь тогда, когда управомоченный субъект обладает определенным субъективным правом» [5: с. 43]. Понятно, что закон не наделяет родителей правом склонять собственных детей к занятию попрошайничеством, воровством, проституцией и другим формам антисоциального поведения. Такие действия образуют самостоятельные составы правонарушения, тем не менее не охватываемые понятием злоупотребления правом [8]. Напротив, для признания тех или иных действий управомоченного лица злоупотреблением правом, как это формально следует из ст. 7 СК РФ, необходимо, чтобы, во-первых, законом было предоставлено лицу соответствующее право и, во-вторых, такое право осуществлялось в противоречии с его социальным назначением.

К сожалению, Верховный суд РФ не стал исправлять данную неточность и практически дословно воспроизвел старую норму в п. 16 Постановления № 44. Однако незначительная корректировка все же произошла: если ранее Пленум ВС РФ считал возможным относить к злоупотреблению правом *создание препятствий в обучении* вообще в целом, то теперь данное основание сузили до *создания препятствий в получении детьми общего образования*. Известно, что юному Алексею Пешкову (в последующем получившему известность как писатель Максим Горький) во время службы на пароходе запрещали читать книги. «И грустно и смешно вспоминать, сколько тяжелых унижений, обид и тревог принесла мне быстро вспыхнувшая страсть к чтению», — писал М. Горький о тех днях. Предположим гипотетическую ситуацию, что сегодня родители некоего ребенка также будут лишать его возможности читать книги (причем любые книги, мотивируя свое решение не содержанием конкретных книг, а вредностью чтения вообще). Возникает вопрос: можно ли считать такие действия злоупотреблением правом? С позиций здравого смысла на этот вопрос следует ответить утвердительно, хотя Постановление № 44 дает противоположный ответ.

Верховный суд РФ не стал разрешать давнюю проблему правоприменения, возникшую еще в советский период, а именно об «обратном эффекте» решения суда об отмене ограничения и восстановлении родительских прав. Напротив, в одноименном третьем разделе Постановления № 44 содержится пересказ уже сформировавшихся подходов в данной сфере, при этом не дается ответ на один из самых сложных вопросов: могут ли родители после восстановления своего «родительского положения» требовать отменить или пересмотреть решения в отношении своих детей, принятые в период, когда в отношении родителей действовали судебные ограничения. Еще в 60-х годах прошлого века Е.М. Ворожейкин резонно указывал на необходимость выработки четкой позиции по данному вопросу: «Восстановление в родительских правах не должно влечь за собой ревизии в осуществлении прав и обязанностей детей, имевшем место в период, когда родители либо один из них были лишены родительских прав (например, передача ребенка в другое учебное заведение «по вкусу» родителей). Это положение следовало бы отразить в законе, так как оно полнее обеспечивает защиту прав и интересов ребенка» [4: с. 209].

Последний раздел Постановления № 44 («Отобрание ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью») также отличается высокой степенью консерватизма, и его содержание в целом остается в русле уже сложившейся судебной практики.

Вместе с тем в рамках обсуждения проекта Постановления № 44 возник вопрос о законности действий органов опеки и попечительства по отобранию ребенка при наличии угрозы его жизни или здоровью без специального решения (акта) уполномоченного органа [6]. Пунктом 1 ст. 77 СК РФ установлено, что при непосредственной угрозе жизни ребенка или его здоровью орган опеки и попечительства вправе немедленно отобрать ребенка у родителей (одного из них) или у других лиц, на попечении которых он находится. Немедленное отобрание ребенка производится органом опеки и попечительства на основании соответствующего акта органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации либо акта главы муниципального образования.

Однако на практике часто возникают ситуации, когда органы опеки и попечительства, видя критическое положение ребенка, не дожидаются решения публичного органа и отбирают ребенка и лишь постфактум обращаются к уполномоченному лицу с целью легализации своих действий.

Рассматривая данный казус, Верховный суд РФ обратил внимание на два обстоятельства. Во-первых, следует четко понимать, какие ситуации могут быть определены как создающие непосредственную угрозу жизни или здоровью ребенка. Таковыми, соответственно, являются угрозы, с очевидностью свидетельствующие о реальной возможности наступления негативных последствий в виде смерти, причинения вреда физическому или психическому здоровью ребенка вследствие поведения (действий или бездействия) родителей (одного из них) либо иных лиц, на попечении которых ребенок находится (п. 28 Постановления № 44). Этим фиксируется, что угроза должна действительно

носить серьезный и объективный (реальный) характер. Во-вторых, орган опеки и попечительства не вправе действовать без специального разрешения уполномоченного лица (высшая судебная инстанция последовала буквальному толкованию нормы закона).

Приведенный подход основан на следующей логике. Родительские правоотношения являются наиболее личными, поэтому должны быть ограничены от внешнего вмешательства. Кроме того, на практике органы опеки и попечительства редко злоупотребляют своими полномочиями, поэтому и отсутствует необходимость в повышении их дисциплины.

Однако представляется, что Верховный суд РФ переоценил состояние дел по данной категории споров. Весьма небесспорно, что следовало так узко определять угрозу жизни и здоровью ребенка, практически лишая его до самого последнего момента (т. е. до наступления реальной угрозы) возможности получения защиты со стороны органов опеки и попечительства. Представляется, что следовало сохранить люфт в трактовке — исключительную возможность для принятия соответствующими органами мер защиты в отношении детей.

3. Заключение

Анализ Постановления № 44 показал высокую степень консервативности российских судов по делам, возникающим из родительских правоотношений. Суды по-прежнему рассматривают отношения между родителями и детьми в качестве наиболее закрытых для общества и государства, где родители вольны в определении методов и способов воспитания детей и т. д. Данное обстоятельство весьма наглядно характеризует и общий тренд развития всего российского семейного права.

При этом консерватизм проявляется не столько в приверженности особым «консервативным ценностям», сколько в «полузамороженном» состоянии правотворчества и правоприменения в области брачно-семейных отношений. Отдельные проблемы сохраняются еще с советских времен, не находя решения ни в законе, ни на практике. Следует полагать, что со временем такие упущения будут лишь накапливаться и усугубляться и потребуют глобальной реформы российского семейного права.

Литература

1. Семейный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
2. Федеральный закон от 28.03.2017 № 39-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 14. Ст. 1998.
3. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 27.05.1998 № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // Бюллетень Верховного суда РФ. 1998. № 7.

4. *Ворожейкин Е.М.* Семейные правоотношения в СССР. М.: Юрид. лит., 1972. 336 с.
5. *Грибанов В.П.* Осуществление и защита гражданских прав (серия «Классика российской цивилистики»). М.: Статут, 2001. 411 с.
6. Отобрание детей по правилам // Верховный суд впервые разъяснил старые нормы Семейного кодекса. URL: https://zakon.ru/discussion/2017/11/14/otobranie_detej_po_pravilam_verhovnyj_sud_vpervye_razyasnil_starye_normy_semejnogo_kodeksa (дата обращения: 07.12.2017).
7. *Рясенцев В.А.* Семейное право. М.: Юрид. лит., 1971. 296 с.
8. *Ульбашев А.Х.* Пределы осуществления семейных прав и злоупотребление правом в брачно-семейных отношениях // Научный поиск. Специальный выпуск по материалам Вторых Грибановских чтений. 2017. № 3.1. С. 59–65.

Literatura

1. *Semejny'j kodeks Rossijskoj Federacii* // *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 1996. № 1. St. 16.
2. *Federal'ny'j zakon ot 28.03.2017 № 39-FZ «O vnesenii izmenenij v otdel'ny'e zakonodatel'ny'e akty' Rossijskoj Federacii»* // *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 2017. № 14. St. 1998.
3. *Postanovlenie Plenuma Verxovnogo suda RF ot 27.05.1998 № 10 «O primenении sudami zakonodatel'stva pri razreshenii sporov, svyazanny'x s vospitaniem detej»* // *Byulleten' Verxovnogo suda RF*. 1998. № 7.
4. *Vorozhejkin E.M.* *Semejny'e pravootnosheniya v SSSR*. М.: Yurid. lit., 1972. 336 s.
5. *Gribanov V.P.* *Osushchestvlenie i zashhita grazhdanskih prav (seriya «Klassika rossijskoj civilistiki»)*. М.: Statut, 2001. 411 s.
6. Отобрание детей по правилам // Верховный суд впервые разъяснил старые нормы Семейного кодекса. URL: https://zakon.ru/discussion/2017/11/14/otobranie_detej_po_pravilam_verhovnyj_sud_vpervye_razyasnil_starye_normy_semejnogo_kodeksa (дата обращения: 07.12.2017).
7. *Ryasenczev V.A.* *Semejnoe pravo*. М.: Yurid. lit., 1971. 296 s.
8. *Ul'bashev A.H.* *Predely' osushhestvleniya semejny'x prav i zloupotreblenie pravom v brachno-semejnyx otnosheniyax* // *Nauchny'j poisk. Special'ny'j vy'pusk po materialam Vtory'x Gribanovskix chtenij*. 2017. № 3.1. S. 59–65.

A.Kh. Ulbashev

Parental Legal Relations in Russia: «Old Novels»

This article is devoted to the problem of reforming the sources of family law at the present stage. On the example of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 44 of November 14, 2017, the author shows that Russian family law remains rather conservative, closed for development and renewal. Legislators and courts, based on the traditional privacy and closeness of parental legal relations, are not willing to establish clearer and more transparent legal regulation, which in turn creates the risks of legal protection for the weakest members of the family, namely, children.

Keywords: sources of family law; parental legal relations; abuse of law; restriction and deprivation of parental rights; removal of the child from custody.